

Азбука
PREMIUM

К Н И Г И
ГЕНРИ МИЛЛЕРА

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «АЗБУКА»

Замри, как колибри

Мудрость сердца

Под крышами Парижа

Книги в моей жизни

Книга о друзьях

Тропик Рака

Черная весна

Тропик Козерога

Сексус

Плексус

Нексус

Биг-Сур и апельсины
Иеронима Босха

ГЕНРИ МИЛЛЕР

Биг-Сур
и апельсины
Иеронима
Босха

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
М 60

Henry Miller
Originally published under the title
BIG SUR AND THE ORANGES OF HIERONYMUS BOSCH
Copyright © 1957 by New Directions Publ.
Corp. & The Estate of Henry Miller
All rights reserved
Published in Russian language by arrangement
with Lester Literary Agency.

Перевод с английского Валерия Минушина

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-14381-4

© В. Минушин (наследник), перевод, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

...Убеждение и опыт говорят мне, что прокормиться на нашей земле — не мука, а приятное времяпрепровождение, если жить просто и мудро.

Торо

На свою беду или, может, счастье, я распоряжаюсь натурой по прихоти страсти и вдохновения... Я включаю в свои картины все, что хочу. Тем хуже для вещей, мною изображаемых, — им приходится уживаться друг с другом.

Пикассо

Я люблю живопись с тех самых пор, как осознал это, будучи шестилетним. В пятьдесят я написал несколько картин, которые показались мне довольно неплохими, но, в сущности, почти ничего из написанного мною до семидесяти лет не представляет никакой ценности. В семьдесят три я наконец познал все, что есть в природе, — птиц, рыб, животных, насекомых, деревья, травы — все. В восемьдесят я пойду еще дальше и по-настоящему овладею секретами искусства в девяносто. Когда мне исполнится сто, моя живопись обретет истинное совершенство, а конечной цели я достигну приблизительно к ста десяти годам, когда на моих картинах каждая линия и точка будут полны жизни.

Хокусай.

Старик, помешавшийся на искусстве

*ЭМИЛЮ УАЙТУ
из Андерсон-Крика,
одному из немногих друзей,
никогда не подводивших меня*

Часть первая

Апельсины
«Тысячелетнего
царства»

Первоначальная крохотная колония, состоявшая из единственного человека, легендарного «варяга» Хайме де Ангуло, выросла до дюжины семей. Сейчас на горе (Партингтон-Ридж) почти не осталось свободного места — жизнь течет и в этой части света. Единственное, чем Биг-Сур одиннадцатилетней давности значительно отличается от сегодняшнего, — так это множеством новых детей. Матери, похоже, рожают здесь столь же щедро, как земля. Маленькой деревенской школы, что неподалеку от Стейт-Парк, уже едва хватает. Школы, такие, как эта, к большому несчастью для наших детей, быстро исчезают из американской жизни.

Что будет еще через десять лет, неведомо. Если в этих местах найдут уран или другой какой металл, жизненно необходимый для военщины, Биг-Сур отойдет в область преданий.

Сегодня Биг-Сур уже не затерянный аванпост на Дальнем Западе. Туристов и всякого приезжего люда с каждым годом становится все больше. Только один «Путеводитель по Биг-Суру» Эмиля Уайта привлек целые орды любителей достопримечательностей к нашему порогу. Что поначалу заявляло о себе с девичьей скромностью, теперь грозит превратиться в золотую жилу. Первые поселенцы вымирают. Если их громадные земельные владения будут разделены на мелкие участки, Биг-Сур может быстро стать предместьем (Монтерея) с неизбежными автобусными остановками, ресторанчиками с барбекю, заправками, однотипными магазинами и прочей мерзостью, делающей пригород таким отталкивающим.

Это пессимистический взгляд на будущее. Возможно, нас не захлестнет вся та дрянь, которую несет с собой поток прогресса. Возможно, прежде, чем он затопит нас, наступит тысячелетнее царство!

Я люблю возвращаться мыслями к тем давним дням на Партингтон-Ридже, когда там не было ни электричества, ни баллонов с бутаном, ни холодильников, а почту привозили лишь трижды в неделю. В те времена, и даже позже, когда я вернулся на Партингтон-Ридж, мне удавалось обходиться без машины. Конечно, у меня была небольшая тележка вроде тех, какими играют дети, ее скотил для меня Эмиль Уайт. Впрягшись в нее, как старый козел, я прилежно тащил почту и продукты из бакалейной лавки к себе на гору, преодолевая мили полторы крутого подъема. У поворота к Рузвельтам, мокрый, хоть выжимай, я разоблачался до суспензория. А что могло мне помешать?

В те дни на холме появлялась главным образом молодежь — или вступающая в армию, или увольняющаяся из нее. (Тем же они занимаются и сегодня, хотя война закончилась в сорок пятом.) Большинство этих парней были художниками или воображали себя таковыми. Кое-кто задерживался на несколько дней, чтобы как-то разнообразить свое постылое существование; кое-кто возвращался позже, намереваясь всерьез попытаться счастья в этих краях. Все они были полны желания скрыться от ужасов нынешнего времени и готовы были жить как последние босяки, лишь бы их оставили в покое. Задуматься, странный то был народ! Джадсон Круз из Уэйко, штат Техас, был среди первых, кто нарушил наше уединение. Своей дремучей бородой и манерой говорить он напоминал одного современного философа, питался почти исключительно арахисовым маслом и листьями дикой горчицы, не курил и не пил. Норман Майни, который уже успел сделать примечательную карьеру, начав, по примеру Эдгара По, с того, что бросил Вест-Пойнт, жил здесь (с женой и детьми) так долго, что успел закончить свой первый роман — лучший первый роман, какой я когда-либо читал, тем не менее до сих пор не опубликованный. Норман был

противоположностью Крузу. Хоть и беднее церковной мыши, он не вылезал из своего подвала, где у него имелся запас прекраснейших вин (местных и привозных), какому позавидовал бы всякий. А еще был Уокер Уинслоу, работавший тогда над романом «Если человек сумасшедший», который впоследствии стал бестселлером. Уокер писал с бешеной скоростью и, видимо, не делая перерывов, в крохотной хибаре у дороги, которую Эмиль Уайт построил, чтобы было где приютить бесконечную череду всякого рода бродяг, вечно совавшихся к нему в поисках пристанища на день, неделю, месяц или год.

Не меньше сотни художников, писателей, танцоров, скульпторов и музыкантов прошли через Партингтон-Ридж с тех пор, как я там поселился. По крайней мере, человек двенадцать из них обладали подлинным талантом и, возможно, оставили свой след в искусстве. Несомненным гением и самой, помимо Варда, грандиозной фигурой из всех был Герхарт Мюнх из Дрездена. Герхарт относится к категории людей самодостаточных. Он феноменальный, если не сказать уникальный, пианист. А еще он композитор. Кроме того, ученый, эрудит до кончиков ногтей. Если б, открыв нам музыку Скрябина, он этим и ограничился, — а он сделал много, много больше, чтобы просветить нас, но все, увы, без толку! — то и тогда мы, обитатели Биг-Сура, были бы в вечном долгу перед ним.

Что касается художников, то любопытно, что мало кто из их братии задерживался здесь надолго. Может, им чего не хватало? Или же здесь слишком много... слишком много солнца, слишком много тумана, слишком много покоя и блаженной умиротворенности?

Почти каждая колония художников своим возникновением обязана зрелому мастеру, который чувствует необходимость порвать с окружающей его кликой и жаждет уединения. Место обычно выбирается идеальное, особенно для его первооткрывателя, чьи лучшие годы прошли по грязным углам да мансардам. Те же, кто претендует на звание художника, для кого место и его атмосфера превыше всего, умуд-

ряются превратить этот рай для уединения в шумную, развеселую колонию. Остается подождать и посмотреть, не ждет ли подобная судьба и Биг-Сур. К счастью, для этого есть определенные препятствия.

По моему убеждению, идиллическая обстановка редко идет на пользу зрелому художнику. Что, похоже, ему нужно (хотя я последний, кто станет защищать подобную точку зрения), так это побольше жизненных испытаний — иначе говоря, больше горького опыта. То есть больше борьбы, больше лишений, больше страданий, больше разочарований. Здесь, в Биг-Суре, он не всегда может надеяться найти подобные возбудители или стимуляторы творчества. Здесь, если не быть на страже, если не быть готовым к борьбе как с призраками, так и с суровой реальностью, легко впасть в умственную и духовную спячку. Если художники устроят здесь свою колонию, ей уготована привычная судьба. Художники не живут колониями. Муравьи — да. Что нужно талантливому художнику, так это привилегия в одиночку одолевать свои трудности да время от времени хороший кусок мяса.

Основная проблема, с которой сталкивается человек, склонный к обособленной жизни, — это досужий гость. Совершенно невозможно решить, в наказание он или во благо. Несмотря на весь свой опыт последних лет, я до сих пор не знаю, как, каким способом защититься от внезапного вторжения, бесконечного нашествия назойливых, любопытствующих представителей племени *homo fatuoso*¹, обладающих докучливой способностью заявляться к вам в самый неподходящий момент. Попытаться скрыться от них в неприступном убежище — бесполезно. Почитатель, желающий встречи с вами, *задавшийся такой целью*, пусть для того только, чтобы пожать вам руку, одолеет и Гималаи.

В Америке, как я давно уже заметил, человек живет на виду, беззащитный перед всяким незванным посетителем. От него ждут, чтобы он жил так, а не иначе, в противном слу-

¹ Человек легкомысленный (лат., ит.). — Здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, примеч. перев.

чае его сочтут чудаком. Только в Европе писатели живут за садовыми стенами и запертыми дверями.

В добавление ко всем другим проблемам, которые ему приходится решать, художник вынужден вести неустанную борьбу, чтобы не быть втянутым во всеобщую свалку. То есть не попасть под бессмысленные жернова существования, которое каждодневно угрожает уничтожить всяческий душевный порыв. Больше любого другого смертного он нуждается в дружественной среде. Как писатель или художник, он способен работать практически где угодно. Препятствие одно: повсюду, какой бы дешевой ни была там жизнь, какой бы прекрасной ни была тамошняя природа, почти невозможно найти способ обеспечить себя самыми минимальными средствами, чтобы примирить потребности тела и души. Человек, обладающий талантом, должен или зарабатывать на жизнь чем-то помимо творчества, или же заниматься творчеством помимо основной работы. Трудный выбор!

Если ему повезет найти идеальное место — или идеальное сообщество, — из этого вовсе не следует, что он получит там поддержку, в которой так отчаянно нуждается. Напротив, он, возможно, увидит, что его творчество никому не интересно. Наверняка на него будут смотреть как на чужого или не похожего на всех. И он, конечно, *будет* таким, поскольку то, что выделяет его среди остальных, тот таинственный элемент «икс», отсутствует у его собратьев, которые, видимо, могут прекрасно обходиться без него. Как или что он ест, говорит, носит, почти всегда, на взгляд его соседей, будет странным, эксцентричным. И этого вполне достаточно, чтобы он был определен к осмеянию, презрению и изоляции. Если он устраивается на какую-нибудь скромную должность и тем демонстрирует, что он не хуже соседа, ситуация может отчасти улучшиться. Но ненадолго. Для художника почти или совсем неинтересно быть «не хуже соседа». Именно благодаря своей «инакости» он стал художником, и, дайте ему только возможность, он и своего собрата сделает тоже не похожим на других. Рано или поздно, тем или этим, но он обязательно вызовет раздражение своих соседей. В от-

личие от человека заурядного, он все на свете бросит, когда его охватит порыв к творчеству. Более того, ежели он *истинный* художник, он готов пойти на жертвы, с точки зрения практичных людей абсурдные и никому не нужные. Пускаясь в погоню за внутренним светом, он обязательно изберет в верные спутники бедность. И если есть в нем задатки великого художника, он способен отказаться от всего, даже от своего искусства. У рядового обывателя, особенно у добропорядочного, это просто не укладывается в голове. Так вот и случается иногда, что самый достойный, самый уважаемый член общества, не будучи способным распознать в человеке гения, может заявить: «Держитесь подальше от этого малого, у него в мыслях что-то недоброе!»

Мир таков, каков есть, и я искренне полагаю, что всякому, у кого умелые руки, кто готов в поте лица зарабатывать хлеб насущный, лучше бросить свое искусство, променять его на будничную жизнь в какой-нибудь глуши наподобие Биг-Сура. Действительно, может, есть высшая мудрость в том, чтобы предпочесть быть никем в относительном раю вроде этого, чем знаменитостью в мире, который потерял всякое представление о подлинных ценностях.

В нашей общине есть молодой человек, который, кажется, постиг того рода мудрость, о которой я говорю. Он имеет самостоятельный доход, чрезвычайно умен, хорошо образован, отзывчив, наделен прекрасным характером и не только мастер на все руки, но еще и человек с головой и сердцем. Определяя свою судьбу, он, очевидно, решил не заниматься ничем иным, как только заботиться о семье, обеспечивать ее всем необходимым и получать удовольствие от повседневной жизни. Он все делает самостоятельно — от возведения дома и хозяйственных построек до выращивания урожая, приготовления вина и так далее. В свободное время охотится или рыбачит, или просто бродит по окрестностям, общаясь с природой. На взгляд обывателя, он всего лишь еще один добропорядочный гражданин, только сложен лучше многих, крепче здоровьем, не завшивлен и полностью свободен от обычных неврозов. У него превосходная библио-

тека, собранная не красоты ради; он наслаждается, слушая хорошую музыку, и часто ставит пластинки. Он чувствует себя уверенно во всяких спортивных и прочих играх, не уступит любому силачу в тяжелой работе, да и вообще, как говорится, добрый малый, то есть умеет сходитьсь с людьми и быть в ладу с миром. Но что он еще умеет и что доказывает делом, к чему рядовой обыватель не способен или не склонен, так это любить уединение, жить просто, не изнывать в мечтах о недостижимом и, когда необходимо, делиться тем, что имеет. Не стану называть его имени, опасаясь оказать ему плохую услугу. Оставим его там, где он есть, мистера Икс, хозяина своей безвестной жизни и превосходный пример для других.

Два года назад, живя во Вьене (Франция), я имел честь познакомиться с Фернаном Рюдом, *sous-préfet*¹ Вьена, обладающим примечательной библиотечкой утопической литературы. Прощаясь с ним перед отъездом из Вьена, я получил в подарок его книгу «Voyage en Icarie»², в которой рассказывается о двух рабочих из этого города, столетие назад отправившихся в Америку, чтобы присоединиться к экспериментальной колонии Этьена Кабе в местечке Науву, штат Иллинойс. Описание американской жизни, не только в Науву, но и в городах, которые они проезжали, — в том числе и Нью-Йорке, а высадились они в Новом Орлеане, — с интересом читается и сегодня, если только дать себе труд заметить, что в самом существенном наш американский образ жизни не изменился. Конечно, Уитмен примерно в то же время рисовал (в своих прозаических вещах) схожую картину грубости нравов, насилия и продажности, которые процветали как в народе, так и в высшем обществе. С другой же стороны, обращает на себя внимание врожденное стремление амери-

¹ Супрефект (*фр.*).

² «Путешествие в Икарию» (*фр.*). Название заимствовано у Этьена Кабе (*Étienne Cabet*), автора одноименного романа, где последний описывает свою (воображаемую) Утопию. Удивительно то, что эта книга, хотя и коммунистическая — в романтическом смысле, — описывает точную копию тоталитарных форм правления, какие мы имеем сегодня. — *Примеч. Г. Миллера.*

канца к эксперименту, его желание испытать на практике самые безумные идеи, касающиеся социальных, экономических, религиозных отношений и даже отношений между полами. И в тех построениях, где доминируют религия и секс, получены результаты наиболее поразительные. Например, община в Онейде, штат Нью-Йорк, останется в истории таким же запоминающимся экспериментом, как «Новая Гармония» Роберта Оуэна в Индиане. Если же взять мормонов, то никто на этом континенте не предпринимал столь титанических усилий по постройке иного общества, и, вероятно, уже никогда не предпримет.

Участники всех подобных идеалистических авантюр, особенно тех, что были инициированы религиозными обществами, как будто обладали острым чувством реальности, практичным умом и тем не менее (в отличие от обычных христиан) совершенно не видели никаких противоречий между своими начинаниями и своими религиозными взглядами. Это были люди честные, законопослушные, трудолюбивые, самостоятельные, уверенные в себе, с сильным характером, цельные и яркие, до некоторой степени подпорченные (на наш нынешний взгляд) пуританскими трезвостью и суровостью, зато крепкие в вере, мужественные и независимые. Их влияние на образ мысли и поведение американцев было исключительно сильным.

С тех пор как я поселился здесь, в Биг-Суре, я все больше и больше замечаю в своих согражданах-американцах эту склонность к эксперименту. Ныне это не общины или группы, стремящиеся жить «правильно», но отдельные личности. Большинство из них, по моим наблюдениям, молодые люди, которые имеют профессию, уже были женаты и развелись, успели отслужить в армии и, как говорится, повидали мир. Лишенные всяческих иллюзий, эти представители нового поколения экспериментаторов решительно отвернулись от всего, что когда-то считалось истинным и жизнеспособным, и предпринимают героическую попытку начать все с чистого листа. А это означает для них — вести бродяжническую жизнь, ничего не иметь, ни к чему не быть привя-

занным, сокращать свои потребности, укрощать желания и, наконец, — результат мудрости, рожденной терзаниями души, — жить жизнью художника. Впрочем, это уже художник иного типа, нежели известный нам. В противоположность прежнему это художник, которого интересует исключительно творчество, художник, равнодушный к наградам, славе, успеху. Короче говоря, изначально принявший тот факт, что чем он лучше, тем меньше у него возможности быть оцененным. Эти молодые люди, обычно под или слегка за тридцать, бродят сейчас среди нас как неопознанные посланцы с иной планеты. Убедительность их примера, их бескомпромиссный нонконформизм и, я бы сказал, «непротивление» доказывают, что в них больше потенциальной, будоражащей мощи, чем в толпе красноречивых и горластых признанных художников.

Стоит заметить, что эти личности озабочены не подрывом порочной системы, но собственной жизнью — на обочине общества. Вполне естественно, что их притягивают такие места, как Биг-Сур, подобных которому множество в этой огромной стране. У нас в привычке говорить о «последнем рубеже», но всюду, где присутствуют «личности», всегда будут и новые рубежи. Для человека, желающего жить правильно, что то же самое, что *жить собственной жизнью*, всегда сыщется место, где он может прочно и надолго обосноваться.

Но в чем же состоит открытие, совершенное этими молодыми людьми, открытие, которое связывает их, что довольно интересно, с предками, покинувшими Европу ради Америки? Они открыли для себя, что американский образ жизни — это вид иллюзорного существования, что цена, какую он выставляет за обеспеченность и безопасность, слишком велика. Наличие этих «диссидентов», сколь они ни малочисленны, — лишь еще один показатель того, что машина выходит из строя. При будущей аварии, которая, как теперь представляется, неотвратима, у них больше шансов уцелеть в катастрофе, чем у всех нас. По крайней мере, они умеют обходиться без автомобилей, без холодильников, без пыле-

сосов, электробритв и прочих «необходимых» вещей... а может, даже без денег. Если нам суждено когда-нибудь узреть новую землю под новым небом, это наверняка будет такая земля, где деньги исчезнут вовсе, где о них забудут как о совершенно бесполезной вещи.

Я хочу привести цитату из рецензии на книгу Элен и Скотта Ниринг «Жить правильно»¹. Обозреватель пишет: «Мы пытаемся подвести к той мысли, что для человека, неудовлетворенного жизнью, не выход — просто перебраться в сельскую местность и попытаться вести „простую жизнь“. Выход же — в обращении к людскому опыту, по которому физическое и экономическое обустройство является едва ли не моральной и эстетической потребностью. Это важнейшая цель жизни, придающая более частным вопросам — заботе о пище, крове и одежде — необходимые гармонию и равновесие. Очень часто люди мечтают об идеальной жизни „в общине“, забывая, что „община“ не самоцель, а лишь обрамление для высших ценностей — ценностей ума и сердца. Создание общины — это не магическая формула счастья и добра; создание общины — это следствие счастья и добра, которые в принципе уже обретенны людьми, и община, состоит она из одной семьи или нескольких, есть бесконечно разнообразное выражение людских совершенств, а не их причина...»

Должен признаться, что, «окапываясь» одиннадцать лет назад в Биг-Суре, я ни на миг не задумывался о жизни здешней общины. Мне даже не приходило в голову считать какую-то сотню душ, живших в удалении друг от друга на огромной площади в несколько сотен квадратных миль, «общиной». Моя община тогда состояла из пса Паскаля (эту кличку он получил за свой скорбный взгляд мыслителя), нескольких деревьев, канюков и зарослей сумаха, которые притворялись джунглями. Единственный мой друг, Эмиль Уайт, жил в трех милях дальше по дороге. Еще тремя милями дальше были горячие серные источники. Там община и кончалась, с моей точки зрения.

¹ «Манас». Лос-Анджелес, 23 марта 1955 г. — *Примеч. Г. Миллера.*

Мне, конечно, скоро стало ясно, что я заблуждался. Ментально со всех сторон начали появляться соседи — будто выныривали из кустов, — все с уймой подарков и благо-разумных и дельных советов для «новичка». В жизни у меня не было лучших соседей! Каждый из них был столь тактичен и чуток, что я не переставал ими восхищаться. Они приходили только тогда, когда чувствовали, что ты нуждаешься в них. Как во Франции, мне казалось, что я вновь среди людей, которые умеют не досаждать вам попусту. И всегда, когда ты нуждался в еде или общении, ты был желанным гостем за их столом.

Поскольку я был из тех «беспомощных» неумех, которые способны жить только в городе, довольно скоро мне пришлось обращаться к соседям за помощью. Вечно у меня что-нибудь не клеилось, вечно что-то ломалось. Я боялся подумать, что случится, если придется во всем полагаться только на собственные силы! И вообще, вместе с помощью, которую мне всегда охотно и с готовностью оказывали, меня учили самостоятельно управляться по хозяйству — наиболее ценный дар, какой мне могли предложить. Я очень скоро увидел, что мои соседи не только исключительно приветливы, обязательны, щедры во всем, но, что было сокрушительно для моего самомнения, еще и люди куда более сведущие, умные, самостоятельные, нежели сам я. Община, представлявшаяся поначалу невидимой паутиной, постепенно становилась более осязаемой, более реальной. Впервые в жизни я увидел, что меня окружают добрые души, которые думают не единственно о собственном благополучии. Во мне стало укрепляться неведомое прежде чувство надежности. Более того, я похвалялся перед гостями, что теперь, когда я стал жителем Биг-Сура, со мной уж наверное не может случиться ничего плохого. И осторожно добавлял: «Но сперва нужно показать себя добрым соседом!» Хотя говорилось это гостю, имел я в виду себя. И часто, проводив его, я мысленно повторял эту фразу как молитву. Видите ли, тому, кому всю жизнь приходилось бороться за выживание в джунглях большого города, требуется время, пока он поймет, что тоже может быть «соседом».

Должен откровенно — и не без сожаления — сказать, что я, несомненно, наихудший сосед, каким может похвастать любая община. И то, что меня по-прежнему не просто терпят, но прекрасно ко мне относятся, до сих пор меня удивляет.

Часто я чувствую себя настолько посторонним в этом мире, что единственный способ «вернуться» — это взглянуть на него глазами моих детей. Всякий раз я вспоминаю о своем прекрасном детстве, прошедшем в убогом квартале Бруклина, известном под названием Уильямсберг. Я пытаюсь отыскать связь между теми грязными улицами и убогими домами и этим бескрайним окоемом океана и гор. Я думаю о птицах, которых никогда не видел, кроме воробьев, пирующих на кучке дымящегося навоза, или редких голубей. Ни сокола, ни канюка, ни орла, ни малиновки или колибри. Я думаю о небе, разорванном на куски крышами и отвратительными дымовыми трубами. Я вновь дышу тем воздухом, в котором убиты все ароматы, часто тяжелым и гнетущим, пропитанным ядовитым дымом. Я думаю о том, как мы играли на улице, не ведая, что где-то есть манящие река и лес. Я думаю, и думаю с нежностью, о своих маленьких товарищах, кое-кто из которых позже попал в тюрьму. Несмотря ни на что, это была настоящая жизнь. Можно даже сказать — чудесная. Это был первый «рай», который я познал, там, в старом квартале. И хотя он ушел в небытие, он по-прежнему живет в моей памяти.

Но *сейчас*, сейчас, когда я смотрю на своих детей, играющих перед нашим домом, когда вижу их силуэты, выделяющиеся на фоне синего Тихого океана в белых барашках, когда вглядываюсь в огромных, грозных канюков, лениво парящих в вышине, описывающих круги, камнем падающих вниз и вновь кружащих, вечно кружащих в небе, когда смотрю, как тихо покачивается ива, как клонятся долу ее длинные тонкие ветви, еще более юные и нежные, чем мои малыши, когда слышу лягушек, квакающих в пруду, или птиц, поющих в кустах, когда, резко обернувшись, замечаю, как наливаются спелым соком лимон на низкорослом деревце или распускается камелия, я вижу детей и вечное место дей-

ствия. Они даже не *мои* только дети, но просто дети, дети Земли... и я знаю, они никогда не забудут, никогда не отрестуются от места, где родились и выросли. Я представляю, как они возвращаются из дальних краев, чтобы взглянуть на старый свой дом. Глаза мои увлажняются, когда я смотрю, как они с любовью и благоговением идут, окруженные роем золотых воспоминаний. Заметили ли они, спрашиваю я себя, то дерево, которое хотели помочь мне посадить, но забыли, заигравшись? Заглянут ли в маленькую пристройку, которую мы соорудили для них, и станут ли удивляться, как они только могли уместиться в такой комнатухе? Останутся ли у окна моей крохотной мастерской, где я просиживал целыми днями, и постучат ли снова по раме, зовя поиграть с ними, — *или мне надо еще немного поработать?* Отыщут ли мелкие камушки, которые я собирал по саду и прятал подалее, чтобы они их не проглотили? Постоят ли, погрузившись в грезы, на лесной поляне, где неумолчно лепечет ручеек, и станут ли искать игрушечную посуду, в которой мы понарошку готовили завтрак перед тем, как нырнуть в лес? Взберутся ли по козьей тропке на гору, чтобы с удивлением и страхом посмотреть на дом старого Троттера, шатающийся под порывами ветра? Помчатся ли к Россам, хотя бы только в воспоминании, чтобы узнать, удалось ли Хэрридику починить сломанный меч или не даст ли нам Шэнаголден банку варенья?

За каждое чудесное событие моего золотого детства они должны получить дюжину несравненно более чудесных. Ибо у них были не только их маленькие друзья, их игры, их таинственные приключения, как у меня, но еще и чистейшая лазурь небес и густой туман, пробирающийся по каньонам на невидимых лапах, изумрудно-зеленые холмы зимой, а летом — уходящие за горизонт горы из чистого золота. Они получили даже больше, ибо была еще почти непроницаемая тишина леса, сверкающая беспредельность Тихого океана, солнечные дни, и звездные ночи, и: «Ой, папочка, иди скорей, посмотри, в луже Луна!». И хотя восхищаются им соседи, олух тот отец, который предпочитает убивать время, играя с ними, вместо того чтобы упражнять мозги или поста-

раться самому быть добрым соседом. Счастлив отец, который всего лишь писатель, который способен оторваться от работы и с радостью вернуться в детство! Счастлив отец, которого с рассвета до заката терпят двое здоровых, неутомимых малышей! Счастлив отец, который учится вновь смотреть на мир глазами своих детей, даже если превращается при этом в последнего глупца!

«Братья и Сестры из братства Свободного Духа называли благочестивую жизнь своей общины „Раем“, и в их толковании это слово означало квинтэссенцию любви»¹.

Разглядывая на днях фрагмент «Тысячелетнего царства» (кисти Иеронима Босха), я обратил внимание нашего соседа, Джека Моргенрата (выходца из Уильямсберга, Бруклин), на то, как до галлюцинации реальны апельсины на деревьях. Как он считает, спросил я, почему кажется, что в этих апельсинах, таких сверхъестественно реальных, есть нечто такое, чего нет в апельсинах на картинах других художников, например Сезанна (который больше известен своими яблоками) или даже Ван Гога? Для Джека все было просто. (Для него, кстати, все всегда очень просто. Тем, среди прочего, он и покоряет.) Джек ответил: «Дело в ауре». И он прав, абсолютно прав. Звери на этом самом триптихе также полны таинственности, также до галлюцинации живы в своей сверхреальности. Верблюд всегда верблюд, а леопард — леопард, и вместе с тем они отличаются от прочих верблюдов, прочих леопардов. О них даже не скажешь, что это верблюды и леопарды, созданные Иеронимом Босхом, хотя он и был волшебник. Они из других времен, времен, когда человек был одно со всякой живою тварью... когда лев и агнец лежали вместе.

Босх принадлежит к тем, очень немногим, художникам, — он, конечно, был больше чем художник! — которые обладали волшебным даром прозревать суть вещей. Он ви-

¹ Вильгельм Френгер. Тысячелетнее царство по Иерониму Босху. Чикаго: Издательство Чикагского университета, 1951. С. 104. — *Примеч. Г. Миллера.*

дел чувственный мир насквозь, делал его явным и таким образом открывал его первоначальный облик¹. Увиденный его глазами, мир вновь предстает перед нами как мир вечного порядка, красоты, гармонии, и от нас зависит, примем мы этот рай или превратим его в чистилище.

Завораживает и порой ужасает то, что мир может быть столь разным для столь разных людей. Что он может предстать перед нами, и предстает, одновременно в таком множестве обличий.

Говорить о «Тысячелетнем царстве» меня заставляет то, что бесчисленные посетители со всех концов света постоянно напоминают мне, что я живу в сущем раю. («И как только вам удалось отыскать такое место?» — обычно восклицают они. Будто это моя заслуга!) Однако меня поражает, и в этом суть, что лишь единицам приходит при отъезде мысль, что они тоже могли бы пользоваться плодами райской жизни. Почти каждый из них неизменно сетует, что ему не хватает мужества — хотя помечтать он не прочь — бросить все и остаться. «Вы счастливчик, — скажет он, имея в виду, что я писатель. — Вы можете делать свою работу где угодно». Он забывает, что я говорил ему, и не без умысла, о других членах нашей общины — вовсе не писателях, художниках или артистах, разве что в душе, но на ком здесь все стоит. «Слишком поздно», — может, пробормочет он, бросая напоследок тоскующий взгляд на окрестности.

До чего это характерно — подобная позиция — для удручающего смирения, губящего мужчин и женщин! Каждый, несомненно, в какой-то момент понимает, что может выбрать для себя иную жизнь, куда лучшую, чем его нынешнее существование. Что останавливает его, так это, как правило,

¹ «Человеческое сознание окутало чувственный мир, с которым находится в конфронтации, сетью логических связей и практических уловок; и, таким образом, достигнув интеллектуального и физического господства над миром, оно оказалось бесконечно далеко от мира сотворенного, в котором некогда занимало совершенно естественное место. Именно в этом естественном мире братство Свободного Духа видело смысл жизни» (Вильгельм Френгер. Тысячелетнее царство по Иерониму Босху. С. 152. — *Цитата Г. Миллера*).

боязнь чем-то пожертвовать. (Даже расставание со своими цепями кажется жертвой.) Хотя каждый знает, что без жертв ничего невозможно добиться.

Мечта о рае, на земле ли, в ином ли мире, почти умерла. *Idée-force*¹ оборачивается *idée fixe*². Действенный миф выродился в табу. Люди жертвуют жизнью ради лучшего мира — что бы под этим ни подразумевалось, — но не сделают и шага к раю. Не приложат они и усилий, чтобы сотворить пусть какое-то подобие рая в том аду, в котором живут. Куда как легче — и кровавей — устроить революцию, что означает попросту установление иного, очередного, статус-кво. Если рай осуществим — классический ответ! — это уже не рай.

Что можно сказать человеку, который упорно строит для себя тюрьму?

Существует тип людей, которые, обретя то, что они считают раем, принимаются искать в нем недостатки. Через некоторое время рай подобных людей становится хуже ада, из которого они бежали.

Конечно, рай, каким бы и где бы он ни был, имеет недостатки. (Райские недостатки, если хотите.) Если б их у него не было, он не притягивал бы к себе сердца людей или ангелов.

У души несчетно очей, твердят нам. И лишь очам души может быть явлен рай. Если в вашем раю есть недостатки, раскройте больше очей! Способность к видению — это целиком творческий дар; он пользуется телом и душой, как мореход — навигационными приборами. Раскройте и будьте наготове, не так уж важно, найдете ли вы якобы кратчайший путь в Индию — или новый мир. Все что ни есть взывает к вам, чтобы его нашли, — не по воле случая, но интуитивно. Когда прислушиваешься к тому, что подсказывает интуиция, цель поисков никогда не оказывается вне достижимых времени или пространства, она всегда присутствует здесь и сейчас. Если мы постоянно прибываем и отбываем, истин-

¹ Плодотворная идея (фр.).

² Навязчивая идея (фр.).

но также то, что мы стоим на вечном якоре. Цель наших поисков — не новое место, но скорее новый взгляд на вещи. Иными словами, видение ничем не ограничено. Подобным же образом ничем не ограничен и рай. Любой рай, достойный так называться, может иметь все ошибки творения и при этом оставаться прекрасным, безупречным.

Хотя предмет, который я затронул, мы в нашей общине, должен это признать, обсуждаем не часто, я тем не менее уверен, что втайне он занимает умы многих ее членов.

Все, кто приехал сюда в поисках новой жизни, совершили тем самым поступок, круто изменивший их судьбу. Почти все прибыли издалека, обычно из крупных городов. А это значит, что они бросили работу и прежнюю жизнь, однообразную, невыносимую. В какой степени они обрели «новую жизнь», можно будет судить только по тому, какие усилия он или она будут прилагать, чтобы обустроиться здесь. Подозреваю, что кое-кто обрел бы «ее», даже оставшись на прежнем месте.

Самое важное из того, чему я был свидетелем с тех пор, как поселился здесь, — это то, как менялись люди. Нигде я не видел, чтобы люди с таким упорством работали над собой. И столь успешно. Однако здесь ничего не преподается и не проповедуется, по крайней мере чрезмерно настойчиво. Кое-кто старался, и у него не получилось. И, должен сказать, к счастью для всех остальных. Но даже те, у кого ничего не вышло, кое-что приобрели. Прежде всего, сам их взгляд на жизнь изменился, стал более широким, если не «более верным». А что может быть лучше, чем учителю стать собственным учеником, а проповеднику — собственным новообращенным?

В раю не проповедуют и не учат. Живут полной жизнью — или возвращаются туда, откуда пришли.

Похоже, в этом краю действует неписанный закон: ты принимаешь и любишь то, что нашел здесь, извлекаешь из этого пользу — или должен уйти. Никто никого не гонит, поймите это, пожалуйста. Нет, само место, сама природа отторгают тебя. Как я сказал, таков закон. И это справедливый закон, от которого никому никакого вреда. Цинику это мо-

жет показаться триумфом все того же нашего славного статус-кво. Но человек, влюбленный в эти места, совершенно точно знает, что не существует такого статус-кво, которое подходило бы для рая.

Нет, закон работает потому, что то, что хорошо для рая, отторгает то, что хорошо для ада. Сколько раз говорилось, что мы сами творим свое небо и свой ад. И как редко это принимается сердцем! Но истина торжествует, признаем мы ее или нет.

Рай или не рай, но у меня сложилось вполне определенное впечатление, что народ в нашей округе старается соответствовать величию и благородству, которые в высшей степени свойственны этим местам. Люди ведут себя так, словно жить здесь — привилегия, словно им было милостиво дано найти здесь себя. Само это место настолько грандиозней, величественней всего, что может надеяться создать любой человек, что оно вызывает у него чувство смирения и почтения, какие не часто встретишь в американцах. В этой природе нечего совершенствовать, наоборот, возникает желание совершенствоваться самому.

Не подлежит сомнению, что в ужасных, нечеловеческих условиях — в тюрьмах, гетто, концлагерях и так далее — люди чрезвычайно меняются, становятся пронизательней. Но лишь единицы предпочитают *оставаться* в подобных местах. Тот, кто видит свет, следует за светом. И свет обычно приводит его туда, где он может проявить себя с наибольшей полнотой, то есть где от него будет наибольшая польза окружающим. В этом смысле совсем не важно, будут то дебри Африки или же вершины Гималаев. Как говорится, Бог всюду.

Всем нам приходилось встречать солдата, побывавшего в дальних краях. И все мы знаем, что у каждого солдата есть своя история, которую он рассказывает. Мы как те возвратившиеся солдаты. Где-то побывали, в духовном смысле, и пережитое обогатило нас или же сломало. Кто-то говорит: «Чтобы это повторилось — никогда!» Кто-то: «Пусть! Я ко всему готов!» Только глупец ожидает повторения однажды пережитого; умудренный знает, что ко *всякому* опыту сле-

дует относиться как к дару свыше. Все, что мы стараемся отрицать или отвергать, насущно нам необходимо; именно она, эта насущная необходимость, часто парализует нас, не позволяя шагнуть навстречу (полезному или горькому) опыту.

Я опять возвращаюсь к тем, кто приехал сюда, испытывая в том необходимость, и какое-то время спустя бежал, потому что «это» оказалось не тем, что он надеялся найти, или потому, что «они» оказались не теми, кем себя считали. Ни один из них, сколько я знаю, так и не нашел ни того, что искал, ни себя. Некоторые вернулись к прежним хозяевам, как рабы, не способные принять права и обязанности свободного человека. Другие попали в сумасшедший дом. Кто-то превратился в изгоя. Кто-то просто примирился с мертвящим статус-кво.

Я говорю о них так, словно они отмечены позорным клеймом. В мои намерения не входит быть жестоким или мстительным. Я просто хочу сказать, что, по моему скромному мнению, ни один из них ни на йоту не стал счастливее, лучше, ни в чем не продвинулся вперед. Они будут вспоминать о своем биг-сурском приключении всю оставшуюся жизнь — с тоской, сожалением или восторгом, смотря по обстоятельствам. Некоторые, знаю, таят в душе надежду, что их дети проявят бóльшую смелость, бóльшее упорство, бóльшую целеустремленность, нежели они. Но разве они что-то не просмотрели? Разве их дети, как плод откровенной неудачи, уже не обречены? И не заражены ли они уже вирусом «осмотрительности»?

Несомненно, труднее всего привыкнуть к состоянию блаженного покоя. Пока есть за что бороться, люди готовы храбро встретить любые трудности. Лишите их элемента борьбы, и они будут задыхаться, как рыба, выброшенная на берег. Те, у кого не осталось своих забот, часто доходят до того, что взваливают на себя тяготы мира. Дело тут не в идеализме, а в том, что им необходимо иметь какое-то дело или хоть что-то, о чем можно было бы поговорить. Будь эти пустые

Содержание

Предисловие	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Апельсины «Тысячелетнего царства»	15
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Покой и уединение: покурри	47
1. Культ секса и анархии	49
2. Шайка из Андерсон-Крика	69
3. История Камы	91
4. Мания акварели	102
5. Сияющий взгляд (Пуки и Батч)	118
6. Насмешка фортуны	138
7. Трудности серьезные и не очень (Джин Уортон)	149
8. Почта почитателей	168
9. Sauve qui peut!	186
10. Воспитание отца	196
11. Свидетельское показание в ut-mineur	217
12. Доля удачи	232
13. Задача истинной любви	259
14. День на источниках	268
15. Создавая новую основу	281
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. Потерянный рай	305
Эпилог	430
Примечания. <i>В. Минушин</i>	447

Миллер Г.

М 60 Биг-Сур и апельсины Иеронима Босха : роман / Генри Миллер ; пер. с англ. В. Минушина. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 480 с. — (Азбука-Premium). ISBN 978-5-389-14381-4

Генри Миллер — виднейший представитель экспериментального направления в американской прозе XX века, дерзкий новатор, чьи лучшие произведения долгое время находились под запретом на его родине, мастер исповедально-автобиографического жанра. Скандальную славу принесла ему «Парижская трилогия» — «Тропик Рака», «Черная весна», «Тропик Козерога»; эти книги шли к широкому читателю десятилетиями, преодолевая судебные запреты и цензурные рогатки. Но прошло много лет. После долгих скитаний писатель поселился на юге Калифорнии, и здесь «родился» новый Миллер — вдумчивый, глубокий философ. Разумеется, он не обходит свои «бедовые годы» в Париже, но рассказывает и о том, как учился у великих писателей и художников, излагает свои мысли о мировой литературе и искусстве. И тут же, рядом, — смелые, остроумные беседы с новыми друзьями...

**УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44**

Литературно-художественное издание

ГЕНРИ МИЛЛЕР
БИГ-СУР И АПЕЛЬСИНЫ
ИЕРОНИМА БОСХА

Ответственный редактор Александр Гузман
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Юлия Аминева, Наталья Бобкова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 01.03.2018.
Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂. Печать офсетная.
Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 25,2. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге 191123, г. Санкт-Петербург,
Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

У-АММ-22618-01-Р

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей

и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/